

ТАИНСТВЕННОЕ ПОТОПЛЕНИЕ.

Въ Февральскомъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1911 г., въ дневникѣ М. Н. Похвиснева, на стр. 200-й, напечатано:

„Послѣ чтенія Владимиръ Ивановичъ*), рассказалъ намъ про Преображенскаго офицера, одного изъ Гатчинскихъ любимцевъ и теперь проживающаго свой вѣкъ въ Калужской деревнѣ. Онъ былъ призванъ ночью къ Павлу и получилъ приказаніе отвезти важную бумагу къ коменданту крѣпости. „Онъ тебѣ скажетъ, что ты долженъ дѣлать, а когда исполнишь, приѣзжай сказать мнѣ“. Не зная содержаніе бумаги, офицеръ отправился въ крѣпость, разбудилъ коменданта. Прочтя бумагу, послѣдній повелъ его въ Алексѣевской рavelинѣ, къ неизвѣстному лицу тамъ заключенному, взялъ его, посадилъ въ сани и приказалъ ѣхать на Неву; тамъ дали ему приготовиться къ смертной казни и опустили въ прорубь. Затѣмъ комендантъ приказалъ присланному отправиться къ Государю и доложить, что приказаніе его исполнено. Кто былъ этотъ несчастный, неизвѣстно“.

Вотъ повтореніе того же разсказа, который слышалъ мой покойный братъ М. А. Стаховичъ отъ П. В. Кирѣевскаго и передалъ мнѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Родственникъ или знакомый Кирѣевскаго (за давностью, не помню его фамиліи) ѣхалъ поздней осенью по проселочной дорогѣ; наступила ночь. дотащился кое-какъ до деревни, и ямщикъ посоветовалъ заѣхать къ барину: „старикъ онъ добрый, переночевать пустить“. Такъ и

---

*) Попечитель Московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ, у котораго М. Н. Похвисневъ былъ правителемъ Канцеляріи.

сдѣлали. Помѣщикъ пилъ чай со священникомъ, пригласилъ и нечаяннаго гостя, но тотъ отказался и отправился спать.

На новомъ мѣстѣ ему не спалось. За тонкой перегородкой шла бесѣда объ императорѣ Павлѣ. Это заинтересовало путника; онъ всталъ, вышелъ, подсѣлъ къ бесѣдующимъ и сталъ спрашивать о Павловскомъ времени. Повѣствователь отвѣчалъ неохотно, но помогъ батюшка. „Да вы расскажите имъ“, обратился онъ къ хозяину, „за что получили деревню“. Старикъ помолчалъ, но раньше выпитые стаканы чая (пили его съ ромомъ) развязали языкъ.

„Я, милостивый государь, началъ старикъ, служилъ въ Гатчинскихъ войскахъ. Трудная была служба, но я былъ молодъ, усерденъ, Цесаревичъ изволилъ меня замѣтить: черезъ годъ я получилъ роту. По восшествіи на престолъ, перевелъ Государь насъ, Гатчинцевъ, въ гвардейскіе полки. Меня назначили въ Преображенскій, и тутъ получилъ я роту. Пришлось обучать ее настоящей службѣ, и изъ господъ офицеровъ искоренять Екатерининскій духъ. Тяжело было имъ, и намъ не легче. Какъ вернешься, бывало, со службы вечеромъ, поужинаешь, да спозаранку и завалишься спать; вставать приходилось рано, ученья начинались до свѣту. Разъ ночью, будить меня денщикъ: „Ваше высокоблагородіе, извольте вставать, фелдъегеръ изъ дворца за вами пріѣхалъ“. Испугался я шибко, со страху и съ просонья ничего не понимаю. Одѣлся. Посадили меня, раба Божія, въ телѣжку и покатали. Прискакали во дворецъ, привели меня въ пріемную, сдали камердинеру; тотъ пошелъ докладывать. Стою я ни живъ, ни мертвъ. Выходитъ Государь въ шлафрокъ, даетъ запечатанный конвертъ, изволилъ приказывать: „Поѣзжайте, сударь, въ крѣпость, передайте это письмо коменданту и привезите мнѣ отвѣтъ“.

Опять въ телѣжку, и поскакали въ крѣпость. Пріѣхали, ведутъ къ коменданту, будятъ его. Выходитъ комендантъ. Подаль ему письмо. Онъ распечаталъ, прочелъ, сказалъ что-то дежурному офицеру, который тутъ же и вышелъ. Комендантъ говоритъ мнѣ: „Пойдемте“. Ну, думаю, пропасть!

Выходимъ изъ дома, идемъ площадью, подходимъ къ казематамъ; являются караульные, смотрителя съ фонарями, подходимъ къ одной двери, комендантъ останавливается и показываетъ на замокъ. Подали ему связку ключей, щелкнулъ замокъ, дверь заскрипѣла и отворилась. По серединѣ каземата стоялъ на колѣняхъ старикъ съ бѣлой длинной бородой и молился. Его вывели. Всѣ молча пошли за нимъ и подошли къ Невѣ. У берега стоитъ лодка съ двумя гребцами. Садятся въ нее

комендантъ, я, два солдата и старикъ. Надѣвають ему на руки и на ноги кандалы, и лодка поплыла. Всѣ продолжаютъ молчать, старикъ молится, крестясь на соборъ. Выѣхали на взморье.... Вдругъ солдаты берутъ старика и бросаютъ его въ воду. Пошелъ онъ, какъ камень на дно..... Какъ сравнялись на водѣ круги, повернули лодку и поплыли. Я все поглядывалъ назадъ и потихоньку молился. Вернулись въ крѣпость. „Поѣзжайте къ Его Величеству“, говоритъ мнѣ комендантъ, „и передайте, чтò видѣли“. Возвратясь во дворецъ, ожидаюсь. Выходитъ Государь; я докладываю ему. „Можете отправляться“, изволилъ сказать Его Величество и ушелъ.

На другой день въ приказѣ по полку мнѣ вышла отставка съ пожалованьемъ ста душъ въ Калужской губерніи и съ приказаніемъ жить мнѣ тамъ безвыѣздно.

Вотъ ужъ болѣе сорока лѣтъ живу тутъ, облагодѣтельствуемый милостью моего Государя. Утромъ и вечеромъ молюсь за него и за мученика „имя его Ты, Господи, всѣи“. Каждое Воскресенье и въ праздники вынимаю части за упокой ихъ душъ.... А до сихъ поръ жутко становится, какъ вспомню чѣмъ я обязанъ моему благополучію“. И старикъ горько заплакалъ.

5 Марта 1911 г. С.-Петербургъ.

А. Стаховичъ.

